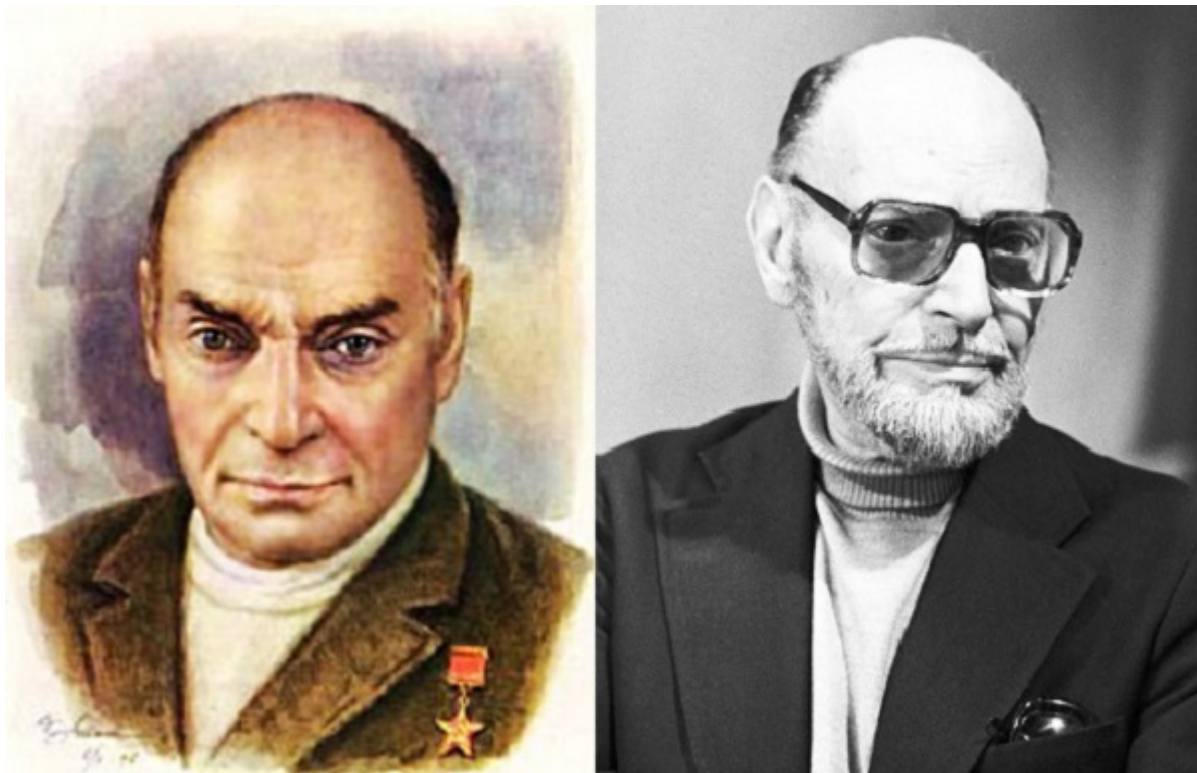

Памяти режиссера-портного. 25 лет назад умер классик советского кино Юлий Райзман

25 лет исполнилось со дня смерти классика советского кино Юлия Райзмана.

Отцом его был Яков Ильич — знаменитый московский портной, гений фраков. При советской власти он стал работать на «Мосфильме» и сшил костюмы для «Ивана Грозного». Эйзенштейн, для которого внешняя форма персонажа была важнее внутреннего содержания, чрезвычайно его ценил. Вот что он написал о нем: «Величайший волшебник художественного покроя костюмов и пальто, лучший мастер фрака, глава лучшей портняжной фирмы Москвы в течение многих десятилетий. Мало людей я любил так, как любил и уважал Якова Ильича». Изделия Райзмана-сына Эйзенштейн ценил меньше, и однажды сказал: «Папенька кроил лучше».

О вкусах не спорят, а высказывание это глубже, чем может показаться. Райзман был режиссёр-портной — во-первых, по точности своего мастерства и, прежде всего, кастинга. Он никогда не снимал артиста дважды: так же, как

один фрак не годится для разных людей, один артист не подходит для разных ролей. Но артисты мечтали сняться у Райзмана, поскольку работа с ним была школой мастерства, а после премьеры его фильма были шансы проснуться наутро знаменитым. Во-вторых, Райзман был портным в том смысле, что всегда шил по моде. В сталинские времена он делал фильмы историко-революционные и патриотические, а в послесталинские перешел на морально-этические темы. Мостиком между двумя периодами был революционный, с морально-этическим уклоном «Коммунист».

В отношении еврейской темы у Райзмана следует коротко и ясно сказать, что она у него блистательно отсутствовала. Это был чисто советский режиссёр, снимавший фильмы о чисто советских людях — а какие же евреи чисто советские? Творчество Райзмана было по заслугам оценено массой сталинских премий разных степеней. Правда, один его фильм, «Поезд идёт на Восток» (1948), Сталину не понравился, ему показалось, что все персонажи там смотрят в землю, а он любил, чтобы человек смотрел прямо в глаза. «На этой станции я выхожу», — сказал Иосиф Виссарионович, и покинул кинозал на середине просмотра. Чтобы вождю не показалось, что и сам Райзман смотрит в землю (такие люди при Сталине долго на земле не задерживались), того на несколько лет сослали на Рижскую киностудию.

Еврейской темы у Райзмана не просматривается, но жизнь его все-таки была еврейской. Он много лет сотрудничал и дружил со сценаристом Евгением Габриловичем, вёл объединение на «Мосфильме» с Михаилом Роммом, женой его была еврейка Сюзанна Тэр. Но дело не только в этом. Его фильмы тоже

были немножко еврейскими.

Проведу такую аналогию. Я прослужил три года в танковых войсках. За это время у меня сменилось много командиров взводов. Все это были настоящие советские офицеры — требовательные и строгие, всё как положено. Но все же внутренне я делил их на две группы. Взводные первой категории приказывали: «Выкопать танковый окоп!», «Очистить полигонную трассу от снега!», «Разгрузить вагон угля!», — и при этом в их глазах и голосе был лишь волевой посыл, больше ничего. Взводные второй группы приказывали то же самое, но в их глазах отражалось понимание офигенного объема работы, которую они давали нам, солдатикам. Я не говорю «сочувствие» — нет, всего лишь оценка тоннажа этого долбанного вагона. Казалось бы, какая разница, проглядывало там что-то в глазах или не проглядывало? Тоннаж от этого не менялся. И, тем не менее, приказ взводного второго типа выполнять было почему-то легче.

Точно так же советские режиссеры и сценаристы-классики делились на две категории. Первая: Пырьев, Александров, Довженко, Эрмлер, Донской, Чиаурели. Вторая: Ромм, Райзман, Хейфиц и Зархи, Габрилович, Каплер. И те, и другие были стопроцентно советскими патриотами — идейными, оптимистичными и т.д. Но первые были какие-то бешеные, белоглазые, а у вторых в глазах проглядывало что-то человеческое. Например, у Ромма даже Ленин вышел довольно смешным. (Обратите внимание, кстати: первая группа этнически смешанная, во второй — исключительно евреи).

Кто-то скажет: «На черта эта человечинка? Зачем показывать Ленина смешноватым? Лучше пусть он будет, как в натуре, страшноватым. Твоя вторая группа — ещё большие лицемеры и нукеры режима, чем первая».

Как сказать, как сказать. Это теперь легко так говорить. Людям всегда нужен глоток кислорода. Трудно жить хотя бы без иллюзии, что ты не раб и живёшь в нормальной стране. С такой иллюзией легче разгружать морозной ночью вагон. Можно назвать вторую группу не лжецами, а утешителями. Впрочем, ложь часто и есть утешение.

Конечно, то, что я говорю, спорно. Но у меня есть косвенное доказательство. В послесталинские времена «белоглазые» уже ничего не могли снимать, их карьера кончилась. (Недаром один из самых белоглазых — Фадеев, пусть он был не режиссером, застрелился). Киношники второй группы не только не зачахли, а, наоборот, пережили вторую молодость: Ромм снял «9 дней одного года» и «Обыкновенный фашизм», Райзман — «А если это любовь?» и «Частную жизнь», Хейфиц — замечательные экранизации Чехова и т.д.

Все это было словно превращением в цветущее дерево того зерна человечности, которое таилось во льдах их сталинских фильмов.

Скептик, опять же, может усомниться: «Ай, брось. Ты же сам сказал, что Райзман был портным на все сезоны».

Не согласен. Все-таки можно отличить конъюнктурное высказывание от искреннего. Ромму и Райзману было дискомфортно при Сталине. Все-таки они знали, что на лауреатских медалях, которые позвякивали на их пиджаках, вычеканен антисемит. Когда он сыграл в ящик, они вздохнули с облегчением, хотя им пришлось спрятать свои медали в ящик.

Да и как было не вздохнуть? Однажды Сталин, посмотрев фильм Козинцева, сказал ему: «Вы что это натворили? Знаете, что мы из вас за это сделаем?» Козинцев наложил в штаны (в буквальном смысле). Сталин, удовлетворенно принявшись, добавил: «Мы из вас лауреата сделаем».

А вклад в еврейскую тему Райзман все же внес: на Высших режиссерских курсах он был мастером Александра Аскольдова, снявшего самый еврейский советский фильм «Комиссар».

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»